

УДК 821.161.1

*ВОРОБЬЁВА Екатерина Сергеевна, аспирант
кафедры теории и истории литературы гуманитарного
института САФУ имени М.В. Ломоносова
в г. Северодвинске. Автор 5 научных публикаций*

МАРГИНАЛ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Для современной России понятие «маргинал» и проблема маргинальности, появившиеся в 30-е годы XX века, только начинают входить в проблемное поле науки. Историю литературы трудно отграничить от внехудожественных сфер жизни общества, в частности от социологии, т. к. объектом описания этих, казалось бы, противоположных наук выступает человек и общество. Предварительное осмысление материала по данной теме позволяет предположить, что герой-маргинал актуализируется в эпоху больших социальных перемен, инструментом понимания которых в литературе он и является. Нынешний период в русской истории (конец XX – начало XXI века) очевидно может быть отнесен как раз к таким переходным этапам.

Изучение прозы конца XX – начала XXI века представляет особый интерес, т. к. мы непосредственно наблюдаем действительность и уже можем видеть изменения, происходящие в литературе. Данная статья посвящена маргинальному персонажу в современной русской литературе и представляет собой опыт осмысления его эволюции в 1970–2000-х годах. В центре внимания – три наиболее значительных произведения, относящихся к различным этапам этого периода и объединенные общностью социального статуса героя: «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева, «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина и «Матисс» А. Иличевского. Направление эволюции определено реконструирующей концепцией мира, вслед за которой меняется мотив поступка литературного героя.

Путь творческих исканий современной русской литературы начинается спасительным бегством героя 70-х годов в маргинальный мир, свободный и независимый от условий жизни и смыслов, навязанных тоталитарным государством, и заканчивается внутренним, духовным преодолением своей социальной маргинальности героем начала XXI века.

Ключевые слова: современная русская литература, литературный герой, маргинал, постмодернизм, мотив поступка литературного героя, андеграунд.

Интерес к маргинальной личности и проблеме маргинальности весьма определенно обозначил себя в ряде областей гуманитарного знания XX–XXI веков. Он проявился в социальной философии, социологии и психологии, где уже накоплен доста-

точно убедительный опыт осмысления проблемы.

В литературоведении, прежде всего в русле художественно-антропологических исследований, эта тенденция себя практически никак не обнаруживает, хотя и современный, и исто-

рико-литературный материал представляет для этого самые широкие возможности.

По определению, данному С.П. Гуриным в монографии «Маргинальная антропология», «Маргинальность (от лат. *margo* – граница, грань, край, *marginalis* – находящийся на краю) – это понятие, традиционно используемое в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности. Оно подчеркивает особый социальный статус (обычно – низкий), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы (например – контркультура)» [4, с. 237].

Уже замечено, что маргинал как личность, находящаяся «на границе или вне социальной структуры», оказался в поле зрения русской литературы в середине XVIII века [13, с. 140]. Более ранние персонажи (как, например, житейные юродивые) не могут быть причислены к этому типу, поскольку не отвечают его принципиальным характеристикам: они в отличие от маргиналов исповедуют общепринятые нормы, хотя их поведение и эпатажно.

В русской литературе XIX–XX веков маргинальный герой актуализируется, как это несложно заметить, в переходные исторические эпохи: «натуральная школа» XIX века, начало XX века (М. Горький). Современный период в истории русской литературы тоже несомненно отмечен интересом к данной теме. Интерес этот заметно обострился еще в 1970-х годах, в эпоху оформления русского литературного андеграунда.

Поскольку «общая черта литературных произведений, принадлежащих к Андеграунду, – нарушение принятых в данном обществе идеологических запретов, игнорирование стилистических и языковых ограничений, зачастую моральных норм» [2], то и появление в этом контексте маргинального героя оказывается совершенно естественным.

Одним из первых и наиболее ярких явлений в этом ряду стал ерофеевский Веничка

из поэмы «Москва – Петушки», написанной в 1969–1970 годах, распространявшейся в самиздате. Поэма, претерпевшая в первые два десятилетия издания в Израиле, Англии, Франции, Швеции, Югославии и только в конце 80-х вышедшая в СССР, несомненно, стала литературным событием своего времени. Венедикт Ерофеев представил художественный мир, сконструированный отличным от предшествующей литературной эпохи образом. Главный герой поэмы Веничка представлен носителем нарочито «неофициальных», неидеологизированных ценностей.

Уже не раз отмечалось, что образ Венички максимально близок к андеграундному писателю Венедикту Ерофееву, но не тождественен ему. В поисках истины, в надежде обрести счастье герой совершает путешествие сквозь мировую историю и культуру. Играя культурными мифами, писатель создает собственную мифологию, отражающую современное ему сознание, для которого характерны постмодернистские представления о деиерархизации ценностей, плюральности, деконструкции, деонтологизации истины, иронии.

Поэма Ерофеева очевидно несет в себе черты литературы постмодернизма, который, согласно сложившимся представлениям, «ратует за отказ от всех общеобязательных и универсальных норм, обеспечивающих подведение индивидуального опыта под общие понятия. Для его сторонников все знания, идеи, мнения людей имеют субъективный, частный, локальный характер. При этом они все одинаково значимы. Нет разницы между правильными и неправильными рассуждениями, между истинными и неистинными знаниями. Плюрализм возводится в ранг самоценности. <...> Духовный мир человека сводится к хаотичному чередованию идей, выражений, вкусов, стилей жизни, произвольно конструируемых и реконструируемых» [14, с. 58].

Веничка – откровенно люмпенизированный человек, но при этом с высокими духовными установками. Его свобода от профессии, постоянного места жительства, быта, семьи –

не только и не столько выпадение из социума, сколько стремление обрести экзистенциальную свободу духа человеком, страдающим от неправильно устроенного мира и потому живущим на пределе сил и возможностей. Отсюда и беспробудное пьянство как защитная реакция на пошлость и суетность бытия. Но его существование вполне гармонично в пределах своего внутреннего мира.

Веничка «тих и труслив», однако старается стать для озлобленных, опустившихся москвичей учителем, врачом душ, покровителем. Он грезит о мире, наполненном такими же людьми, как и он: «Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! Всеобщее малодушие. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигу» [5, с. 29].

В пародийном патетическом монологе иронически высмеиваются мифы советской эпохи и их создатели. Пространство жизни героя поэмы жестко обусловлено беспощадным идеологизированным социумом, бежать из которого он может только в спасительное опьянение. И только внутри себя, находясь под влиянием алкоголя в пограничном состоянии между реальностью и полубабытвом, герой обретает гармонию.

По собственному признанию Вен. Ерофеева, поэма написана «без всяких претензий», «для семи-восьми друзей». И в самой этой установке на читателей, состоящих только из круга «своих друзей», содержится утверждение самодостаточности малого человеческого мира, который внутри себя создает и сохраняет свои цели и смыслы. В этой нравственной философии позиция писателя Вен. Ерофеева и его героя Венички совпадают.

Но сама философия эта не нова. В русской литературе она имеет весьма глубокие и разветвленные корни. Ее истоки восходят к концу XVIII века, когда в творчестве поэтов львовско-державинского кружка рождалась идиллия русских дворянских гнезд, тоже ограниченных этим узким «кругом семьи и друзей» [11, с. 89], который отличается глубокой самодостаточно-

стью на фоне большой социально-политической жизни страны и мира. Позднее такая философия обнаружит себя в жизненной позиции маленького человека – одного из центральных персонажей русской классической литературы. В разных своих ипостасях она будет проявлять себя на протяжении двух столетий истории русской литературы. Связь ерофеевского Венички с этой традицией несомненна. Но на этом фоне у него есть одна принципиальная особенность. Все его предшественники в русской литературной традиции вписаны в контекст большой жизни России, они часть ее культурно-исторического ландшафта, неизменный элемент ее социальной структуры, социального бытия. Веничка для того, чтобы утвердить самодостаточность своего малого мира, должен оказаться за чертой социального бытия, быть маргиналом. Его нравственные ценности могут быть выражены, могут заявить о себе только в этом состоянии. Такой концептуальный подход становится оправданием жизненной позиции маргинального героя.

Однако оценки и подходы к художественному осмыслению позиции маргинального героя в русской литературе кардинально меняются в конце 90-х годов XX века. Это изменение очевидно обнаруживает себя в романе В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени».

Внимательного читателя не оставляет ощущение смысловых переключек романа Маканина с поэмой Ерофеева. Во всяком случае, неоспоримо то, что их произведения рождаются в одном контекстном поле, и поэтому неизбежны некоторые совпадения даже на уровне деталей. Ведь неспроста в маканинском романе появляется андеграундный художник Венечка, которого «залечили» до сумасшествия. Однако главное действующее лицо произведения – его брат, когда-то писатель «из подполья», Петрович. Это человек, утверждающий безусловную самоценность своего внутреннего обособленного мира, ради сохранения ценностей которого он готов на самые решительные поступки.

«Андеграунд – тип сознания, образ жизни, способ бытия творческого человека, бро-

дильное, беспокойное, революционное начало, “бесы”, образ мысли поколения или всей нации», – утверждает М. Абашева [1, с. 78]. И в ее формулировке (революционное начало, «бесы») ощущается принципиальная черта, характеризующая этот тип сознания – одержимость. То, от чего так открещивался ерофеевский Веничка («никаких подвигов, никакой одержимости»).

Между тем «у В. Маканина “агэшники” – категория конкретно историческая, маргинальная социальная группа, сообщество писателей и художников, пытавшихся в своих произведениях выразить оппозицию существующему “истеблишменту” – и оттого оказавшихся под запретом, гонимых, не публикуемых, нередко сурово наказуемых, преследуемых. Идеи и образы этой интеллигенции, вместе с тем, не их личная фантазия, а то, что ощущается, смутно осознается многими людьми» [17, с. 23].

Само словосочетание «герой нашего времени», содержащееся в названии романа В.С. Маканина, несет в себе отсылку к классическому периоду русской литературы с ее выстроенными и выверенными ценностными установками. Именно ко всей русской классической литературе в целом, с ее вектором ценностных исканий, в контексте которой и оценивается осмысление позиции современного маканинского героя. То есть отсылка не к сюжетному литературному памятнику классической эпохи, например к роману М.Ю. Лермонтова, который сразу приходит на ум, но и к Ф.М. Достоевскому, на что уже обращала внимание литературная критика. Например, размышления А. Архангельского: «Несостоявшийся Раскольников (Петрович) сам для себя становится Порфирием (тоже Петровичем)» [3, с. 85].

Господствующая в русской классической литературе модель мира в качестве своей несущей конструкции утверждала богоосмысленность, божественное присутствие в каждом существенном акте бытия. Своеволие человека неизбежно ограничивалось этим деятельным присутствием Бога. Модель мира маканинского героя верховной действующей силой признает

Человека. Совершив два убийства, герой романа Петрович некоторое время провел в психбольнице, но позднее сбежал оттуда, так ни в чем и не сознавшись. Он как был сторожем в общаге, так и остался на своем месте. Сохранив формально границы своего обособленного мира, он что-то несомненно утратил в себе. Причем утрата эта носит фундаментальный характер.

Н. Лейдерман и М. Липовецкий обратили внимание на то, что право героя на убийство, «в сущности, парадоксально отражает скрытую логику общаги: “...ничего высококонравноственного в нашем не убий не было. И даже просто нравственного. Это, то есть убийство, было не в личностной (не в твоей и не в моей) компетенции – убийство было всецело в их компетенции. Они (государство, власть, КГБ) могли уничтожить миллионами... Они могли и убивали. Они рассуждали – надо или не надо. А для тебя убийство даже не было грехом, греховным делом – это было просто не твое, сука, дело. И ведь как стало понятно!.. Не убий – не как заповедь, а как табу”. Мир общаги дает внутреннее разрешение на убийство – Петрович, как не “прописанный” в общаге, всего лишь свободен от внешних табу» [7, с. 131].

Итак, вместо библейской «заповеди», абсолютно значимой в любой жизненной ситуации, – социально обусловленное «табу», которое легко снимается для человека, изменившего свой социальный статус, например, переходом в маргинальную (пограничную) позицию.

Но при этом обнаруживает себя одна удивительная смысловая ловушка: освобождаясь от внешних табу, герой не преодолевает систему как таковую, а выпадая из одной системы, становится неизбежно жертвой другой. Одна тоталитарная вертикаль, дающая право убивать («государство, власть, КГБ»), сменяется другой, тоже по-своему допускающей и оправдывающей убийство.

Эти смысловые акценты романа моментально были отмечены литературной критикой. Кажется, именно об этом пишет А. Латынина, характеризующая маканинского героя: «сам честица общаги, хотя и лелеющий собственную

отдельность, униженный и высокомерный, смиренный и агрессивный» [6, с. 12]. Понятно, что быть «частицей общаги» убийственно для героя, «лелеющего собственную отдельность».

«Андеграунд, или Герой нашего времени» был назван Е. Ермолиным романом тупика. Близкое этому суждение высказывает и М. Липовецкий: «Маканинский роман – о глобальной растрате всех духовных механизмов сопротивления, так кропотливо выстроенных русской литературой двух веков, об ударе как о последнем оплоте духовной свободы. Это горький и мощный роман о поражении культуры и торжестве “чернухи”» [8, с. 203].

Герой романа В.С. Маканина разработал жизненную философию, в которой оправдывает право на преступление – философию «удара». Эта философия возникла как средство самозащиты от властей, которые постоянно подавляют волю самостоятельно мыслящего человека, – от КГБ и послушных ему издательств до психиатрических больниц. В конце концов размышления завели героя к идее безнаказанности и вседозволенности. Культура индивидуальной свободы привела к «эрозии ценностей» [18]. Эпоха Петровича завершается к концу романа сменой поколений. На место вольных творцов андеграунда «со всех сторон идут другие трое или двое, в белых рубашках и в серых недорогих костюмах – и в галстуках, армия в галстуках. (Сменившая вашу, литературную, в свитерках! – улыбнулся Ловянников.) Ага. Вот откуда, быть может, моя притаенная ревность: Ловянников один из этих троих, как я был когда-то один из тех» [9, с. 314].

В самохарактеристике героя, «лелеющего собственную отдельность», оценка, скрытая в формуле «один из тех», звучит явно уничижительно. Вместо наивной и всепоглощающей радости бытия в своем спасительном малом мире (обособленном и самодостаточном), которую испытывает маргинальный герой 70-х годов XX века (Веничка), русский литературный герой конца 90-х (маканинский Петрович) демонстрирует совершенно другие эмоции. Его конфликт уже не вмещается в простую схему

противостояния и неприятия мифов тоталитарной советской эпохи – он сложнее и глубже. Его ценности и идеалы вошли самым неожиданным образом в противоречие с ценностями и идеалами, выстроенными классической русской литературой. Радость открытия 70-х сменяется растерянностью 90-х. И это общее настроение в русской интеллектуальной среде эпохи, в контексте которой и рождается «Андеграунд...» В.С. Маканина.

Следующее десятилетие истории русской литературы внесет новые оттенки в осмысление темы. В 2007 году Букеровскую премию получает роман А. Иличевского «Матисс», в котором очевидно меняются концептуальные подходы к изображению маргинального героя.

Исторический фон – «безвременье» 90-х, но общее настроение, господствующее в книге, явно оптимистичное, нет ощущения тотальной обреченности и «тупика». Русская литература вновь обретает героя, который *ищет!* Ищет свой путь, выход из лабиринта (он в прямом смысле блуждает по подземельям Москвы), ищет Смысл и Истину.

Добровольный уход героя в маргинальный мир – это не окончательный и безусловный его выбор. Это лишь веха в его биографии, этап на пути его поиска. По мнению Т.Л. Рыбальченко, «Маргинализация русского человека вернула понимание пограничности человека, положение между природой и культурой, индивидуальный человек оказался не в контексте выстроенной человечеством социальной культуры, а в экзистенциальной ситуации поиска способа существования в бытии, для чего экзистенциально значимым стало познание самого бытия» [16, с. 111].

Королёв – человек, не имеющий корней: он вырос в детском доме, поэтому лишен семьи. Вся его жизнь проходит в попытках зацепиться за реальность, обосновать для себя самого необходимость жить. Сначала его увлекают точные науки, которые приводят Королёва в физико-математический интернат и затем в МФТИ. Однако распад СССР и наступившая следом эпоха вдребезги разбивает наметившийся жизненный путь советского инженера-физика.

Самым страшным оказывается не столько потеря каких-то материальных перспектив, сколько пустота, внезапно пришедшая на место прежних идеалов.

В. Пустовая совершенно справедливо отмечает, что автор описывает не «бегство от...», а «странствие к...». Через социальную проблематику, подчеркнутую маргинальным положением главного героя, мы выходим на трансцендентный уровень произведения, где осуществляется поиск высшего смысла: «Откровение “Матисса” внятно читателю. Роман выражает тоску общества по обновлению и свободе, так неоднозначно реализовавшуюся в 90-е, жертвой которых ощущает себя герой: “спазм пространства” в “Матиссе” – не галлюцинация физика Королёва, а реально переживаемая им ловушка, теснота социальных отношений. В этой тоске по обновлению и рождается новое мироощущение. Гармония восстанавливается, осколки мира вос-

соединяются, герой обращается к Богу: “Озаренный... он сидел на лежанке и свободно думал о проблеме осиянности: незримой очеловеченности пейзажа. О том, что по ту сторону все же есть Бог”» [15, с. 46].

Таким образом, от спасительного бегства героя 70-х годов в маргинальный мир, свободный и независимый от условий жизни и смыслов, навязанных тоталитарным государством, к внутреннему, духовному преодолению своей социальной маргинальности героем начала XXI века – таков путь творческих исканий, литературной эволюции, который открывается даже при довольно беглом взгляде на русский литературный процесс конца XX – начала XXI века через призму вопроса о маргинальном герое.

Меняющаяся концепция мира, «архитектоника мира» [12] неизбежно влечет за собой, как уже установлено в литературоведении, изменение «мотива поступка литературного героя» [10].

Список литературы

1. *Абашева М.П.* Литература в поисках лица. Пермь, 2001.
2. Андеграунд // Словарь литературоведческих терминов / сост. С.П. Белокурова. СПб., 2007.
3. *Архангельский А.* Где сходились концы с концами // Дружба народов. 1998. № 7. С. 82–88.
4. *Гурин С.П.* Маргинальная антропология. Саратов, 2000. 237 с.
5. *Ерофеев В.* Москва – Петушки. М., 1999. 154 с.
6. *Латынина А.* Легко ли убить человека? Литература как великий вирус: [Отклик на роман В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»] // Лит. газ. 1998. № 17. С. 10–17.
7. *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2. 1968–1990. М., 2003. 235 с.
8. *Липовецкий М.Н.* Растратные стратегии, или Метаморфозы «чернухи» // Новый мир. 1999. № 11. С. 193–210.
9. *Маканин В.С.* Андеграунд, или Герой нашего времени. М., 1999. 354 с.
10. *Николаев Н.И.* Литературный герой в мире его поступка // Дискуссия. 2012. № 3(12). С. 173–176.
11. *Николаев Н.И.* У истоков новых русских литературных представлений о «счастье» и «удаче», «службе» и «служении» («Фортуна» Н.А. Львова) // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2008. № 4. С. 87–94.
12. *Николаев Н.И., Нехлебаева Н.А., Шестакова Е.Ю.* Русский литературный герой в контексте этических исканий XVIII – XIX веков: моногр. Ч. 1. Архитектоника мира поступков литературного героя первой трети XVIII века. Архангельск, 2009.
13. *Николаев Н.И., Храмова М.В.* Маргинальный мир и герой в русской литературе XVIII века // Дискуссия. 2014. № 2(43). С. 138–142.
14. *Павлидис П.* Личность в постмодернистском восприятии. К противоречиям современного образования // Инновации в образовании. 2005. № 6. С. 55–64.
15. *Пустовая В.* Крупицы тверди // Вопр. лит. 2010. № 4. С. 43–52.
16. *Рыбальченко Т.Л.* Вербальный, визуальный и звуковой языки познания онтологии в романе А. Иличевского «Матисс» // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2012. № 4(20). С. 98–114.

17. Семыкина Р.С. Достоевский Ф.М. и русская проза последней трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 37 с.

18. Черняк М.А. Маленький словарь про большую книгу // Библ. дело. 2011. № 8(146). С. 4–9.

References

1. Abasheva M.P. *Literatura v poiskakh litsa* [Literature in Search of Individuality]. Perm, 2001.
2. Andegraund [Underground Art]. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Comp. by Belokurova S.P. St. Petersburg, 2007.
3. Arkhangel'skiy A. Gde skhodilis' kontsy s kontsami [When the Story Hung Together]. *Druzhba narodov*, 1998, no. 7, pp. 82–88.
4. Gurin S.P. *Marginal'naya antropologiya* [Marginal Anthropology]. Saratov, 2000. 237 p.
5. Erofeev V. *Moskva – Petushki* [Moscow – Petushki]. Moscow, 1999. 154 p.
6. Latynina A. Legko li ubit' cheloveka? Literatura kak velikiy virus: (Otklik na roman V. Makanina "Andegraund, ili Geroy nashego vremeni") [Is It Hard to Kill a Person? Literature as a Great Virus: (Comments on V. Makanin's Novel "Underground, or The Hero of Our Time")]. *Literaturnaya gazeta*, 1998, no. 17, pp. 10–17.
7. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: v 2 t. T. 2. 1968–1990* [Modern Russian Literature: 1950s – 1990s: In 2 Vols. Vol. 2. 1968–1990]. Moscow, 2003. 235 p.
8. Lipovetskiy M.N. Rastratnye strategii, ili Metamorfozy "chernukhi" [The Strategies of Spending, or Metamorphoses of Gloomy Stories]. *Novyy mir*, 1999, no. 11, pp. 193–210.
9. Makanin V.S. *Andegraund, ili geroy nashego vremeni* [Underground, or The Hero of Our Time]. Moscow, 1999. 354 p.
10. Nikolaev N.I. Literaturnyy geroy v mire ego postupka [The Literary Hero in His Action World]. *Diskussiya*, 2012, no. 3 (12), pp. 173–176.
11. Nikolaev N.I. U istokov novykh russkikh literaturnykh predstavleniy o "schast'e" i "udache", "sluzhbe" i "sluzhenii" ("Fortuna" N.A. L'vova) [At the Root of the New Russian Literary Ideas of "Happiness" and "Success", "Duties" and "Service" ("Fortune" by N.A. Lvov)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2008, no. 4, pp. 87–94.
12. Nikolaev N.I., Nekhlebaeva N.A., Shestakova E.Yu. *Russkiy literaturnyy geroy v kontekste eticheskikh iskaniy XVIII – XIX vekov. Ch. 1. Arkhitektonika mira postupkov literaturnogo geroya pervoy treti XVIII veka* [Russian Literary Character in the Context of the Ethical Pursuits in the 18th – 18th Centuries. Part 1. Architectonics of the World of Literary Character Actions in the First Third of the 18th Century]. Arkhangelsk, 2009.
13. Nikolaev N.I., Khramtsova M.V. Marginal'nyy mir i geroy v russkoy literature XVIII veka [Marginal World and Character in Russian Literature of the 18th Century]. *Diskussiya*, 2014, no. 2 (43), pp. 138–142.
14. Pavlidis P. Lichnost' v postmodernistskom vospriyatii. K protivorechiam sovremennogo obrazovaniya [Personality in Postmodern Perception. To the Contradictions of Modern Education]. *Innovatsii v obrazovanii*, 2005, no. 6, pp. 55–64.
15. Pustovaya V. Krupitsy tverdi [Grains of the Earth]. *Voprosy literatury*, 2010, no. 4, pp. 43–52.
16. Rybal'chenko T.L. Verbal'nyy, vizual'nyy i zvukovoy yazyki poznaniya ontologii v romane A. Ilichevskogo "Matiss" [Verbal, Visual and Sound Languages of Ontology Cognition in *Matisse* by A. Ilichevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2012, no. 4 (20), pp. 98–114.
17. Semykina R.S. *Dostoevskiy F.M. i russkaya proza posledney treti XX veka: avtoref. dis. kand. filolog. nauk* [F.M. Dostoevsky and Russian Prose of the Last Third of the Twentieth Century: Cand. Philol. Sci. Diss. Abs.]. Yekaterinburg, 2008. 37 p.
18. Chernyak M.A. Malen'kiy slovarik pro bol'shuyu knigu [A Small Dictionary About a Great Book]. *Bibliotechnoe delo*, 2011, no. 8 (146), pp. 4–9.

Vorobyeva Ekaterina Sergeevna

Postgraduate Student, Humanitarian Institute,

Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Severodvinsk, Russia)

MARGINAL CHARACTER IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES

Modern Russian science has only recently turned to the concept of *marginal person* and the problem of marginalization, which evolved in the 1930s. Literary history can hardly be separated from the various spheres of social life, in particular from sociology, as these two seemingly opposite branches of scholarship study the same object: people and society.

One can suggest that marginal character appears in the era of great social change and is used in literature to explain them. The current period in Russian history (late 20th and early 21st centuries) can obviously be reckoned among such transitional phases.

The prose of the period under study is of particular interest due to the fact that we are directly observing the reality and can already see the changes taking place in literature. This paper focuses on the marginal character in modern Russian literature and studies his evolution from the 1970s to 2000s. The author analyzed three most significant works of this period, having the social status of their characters in common: *Moscow – Petushki* by V. Erofeev, *Underground, or The Hero of Our Time* by V. Makanin and *Matisse* by A. Ilichevsky. The direction of evolution is determined by the transforming concept of the world, changing the literary character's motives.

The quest for inspiration in modern Russian literature begins with the character of the 1970s escaping into the marginal world, free and independent of the conditions of life and the values imposed by the totalitarian state, and results in an inner, spiritual overcoming of his social exclusion in the early 21st century.

Keywords: *modern Russian literature, literary character, marginal person, postmodernism, motive of action, underground art.*

Контактная информация:

адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36;

e-mail: katerina1804@yandex.ru

Рецензент – *Владимирова Н.Г.*, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград).